
ТАТЬЯНА КОМАРОВСКАЯ

«Молчание — его удел последних дней...»

«Признания Ната Тернера» Уильяма Стайрона — роман о предводителе крупнейшего восстания рабов в Виргинии в 1831 году увидел свет в 1967 году и, казалось, был порожден всколыхнувшими всю Америку негритянскими волнениями в гетто Лос-Анджелеса и Детройта, что обусловило редкое для исторического романа внимание к нему критики и читающей публики. Между тем прямым откликом на события дня этот роман никак нельзя было назвать — писался он в течение пяти лет, а замысел его возник у автора еще в конце 40-х годов. И все же обращение к теме рабства у Уильяма Стайрона, писателя с Юга, наследника старого плантаторского рода, было далеко не случайным. Специфика сложного творчества Стайрона и определяется в первую очередь его положением южного писателя и связью с «южной школой». В «Признаниях Ната Тернера» чувствуется несомненное влияние Фолкнера, дальнейшее развитие его идеи о нерасторжимом единстве и хитросплетении вины белых и черных на Юге, нашедшей выражение в его прекрасном образе: «Каждый белый на Юге рождается распятым на черном кресте». И все-таки в центре романа — черный, и воссоздание его образа, его сознания Стайрон считал своей главной задачей, о чем и говорил в одном из интервью. Успешность решения этой задачи писателем, достоверность образа чернокожего вождя восстания, соответствие его историческому прототипу вызвали горячую дискуссию в прессе, от положительного отклика историка Карла Ван Вудвода¹ до отрицательного — Герберта Аптекера², обвиняющего автора в крупных искажениях и умолчаниях исторических фактов, до гневных откликов черных критиков романа, собранных в книге «Нат Тернер Уильяма Стайрона: десять черных писателей отвечают»³. Аллен Холдар, предъявляя свой иск к роману⁴, справедливо отмечает, что главный пункт расхождения в оценке романа заключается в достоверности воссоздания сознания и характера раба.

На первый взгляд характер Ната Тернера детерминирован в романе исторически и социально. Стайрон вроде бы поддерживает свою репутацию писателя, который следует «более традиционным обязанностям романиста — описанию поступков человека в соци-

¹ Woodward C. V. Confessions of a Rebel: 1831//Nev Republic. Oct. 7. 1967.

² Aptheker H. A Note on the History//Nation. 1967. Oct. 16.

³ William Styron's Nat Turner: Ten Black Writers Respond. Boston, 1969.

⁴ Holder A. The Imagined Past. L., 1980.

альном контексте»¹. Такого же мнения о характере Ната Тернера придерживаются известные советские литературоведы А. Мулярчик² и Т. Денисова³. Стайрон, раскрывая характер Ната Тернера, действительно подчеркивает конкретные социально-исторические причины, способствовавшие его формированию: его привилегированное положение в доме доброго просвещенного хозяина, считавшего рабство злом, одним из путей преодоления которого должно стать образование негров, и потому обучившего чернокожего мальчишку грамоте; одиночество Ната с детства, вызванное этим привилегированным положением домашнего слуги и хозяйского любимчика, и его презрительное отношение к другим неграм, которые ему не равня; его честолюбивые замыслы, основанные на обещании хозяина дать ему свободу и помочь стать проповедником; естественный и закономерный их крах, когда разорившийся хозяин, уезжая в другой штат, оставляет в своем инфантильном невежестве Ната на попечение преподобного Аппеза, который должен наставлять его на духовном поприще и освободить через год, а последний начинает с гомосексуальных заигрываний с героем, заставляя его работать не только на себя, но и на окрестных фермеров, наживаясь на нем, а вместо освобождения по истечении года продает его невежественному и грубому фермеру. Именно тогда, впервые в жизни отведав кнут из рук нового хозяина только за то, что он оказался грамотным и попросил поесть, Нат начинает ощущать присутствие Бога в своей жизни. Последующие десять лет тяжелого труда у Мура были заполнены для Ната Тернера размышлениями над Библией, созревaniem его ненависти к белому человеку, и оба эти занятия дали свой совместный результат: осознание Натом Тернером своей святой миссии уничтожения всех белых в Саутгемптоне. Нат Тернер отождествляет себя с пророком Иезекией, горящим священной яростью, ощущает себя «черным отмщением, безграничным, разрушительным орудием божьего гнева»⁴. Его не смущает то, что первыми жертвами его гнева становятся люди, хорошо относившиеся к нему.

Нат у Стайрона — теоретик (как и сам автор, в чем мы вскоре убедимся), и столкновение с реальностью разбивает его теоретические постулаты, основанные на религиозном фанатизме и истерии. Таким столкновением становится в романе единственное убийство, которое совершает сам Нат Тернер — убийство Маргарет Уайтхед, девушки, которую Нат любил и которая любила его. По нашему мнению, нет нужды, рассматривая последствия этого убийства для духовной жизни Ната, говорить о том, что дух Ветхого Завета, вдохновлявший его, приходит в противоречие с духом любви, исходившим от Маргарет, которым проникнут Новый Завет⁵, и это вызывает нравственный кризис героя. Психологически самодостаточным является объяснение, что этот акт дикого немотивированного убийства, описанного автором со всеми страшными подробностями, пробуждает человечность, скрывающуюся в душе героя под коростой расовой ненависти и религиозного фанатизма. В душе Ната Тернера, запрограммированного на убийства, освященные, как ему кажется, кровавым светом Божьего гнева, происходит психологический надлом, лишивший его желания убивать и повлекший в конечном итоге поражение восстания. После Преступления следует

¹ Белл Д. Культурные противоречия капитализма // Мулярчик А. Спор идет о человеке. М., 1985.

² Мулярчик А. Цит. работа.

³ Денисова Т. Экзистенциализм и современный американский роман. Киев, 1985.

⁴ Styron W. The Confessions of Nat Turner. N. Y., 1968.

⁵ Holder A. Op. cit.

Наказание, но герою Стайрона не дано пережить живительный катарсис и пробудиться, хотя бы духовно, к новой жизни. Его удел до последних минут перед казнью — одиночество, подчеркиваемое образом *silence*, молчания, которым автор окутывает своего героя, отделяя его от других людей, от Бога. Следует подчеркнуть, что этот образ — основной в художественной ткани романа для характеристики героя. Нат воспринимает мир не столько через визуальные, сколько через слуховые образы — достаточно проанализировать пейзажи, передающие чувства героя и особенности его мироощущения. Отсутствие звуков, молчание — его удел последних дней: безмолвные пейзажи, которые он видит из тюремного незастекленного окна, и более страшное молчание Бога, отвернувшегося от своего избранника и орудия. «Ощущение Его отсутствия было подобно бездонному и страшному молчанию в моем мозгу», — жалуется герой, с ужасом обнаруживающий, что он не может молиться.

И все же сказать, что образ героя психологически глубоко разработан, что все его действия психологически достаточно мотивированы, нельзя. Ни обстоятельствами жизни и судьбы Ната Тернера, ни его подавленной и потому извращенной сексуальностью нельзя до конца объяснить его всепоглощающую ненависть к белому человеку. Нельзя не согласиться с Алленом Холдером: отчужденный от людей герой Стайрона, чувствующий едва ли не отвращение к неграм, вряд ли подходит на роль лидера негритянского восстания. Критик тонко подмечает в способе выражения Ната, в стиле его речи черты не личности и речи негра начала XIX века, но, скорее, автора, его создавшего, и на этом основании выносит роману уничижительную оценку: «Стайрон... не выполнил своей главной задачи воссоздания протагониста, который был бы нами принят как возможный или даже вероятный Нат Тернер... Книга навязывает настоящее — прошлому, черты автора — его герою, вместо воссоздания духа, личности человека другой эпохи. И потому... она плоха и как историческое сочинение, и как литературное». Несмотря на несомненно справедливую критику важных частных роман, Аллен Холдер принципиально не прав в его оценке. Его критика рассчитана на исторический роман традиционного типа, на объективно-эпический роман. А Стайрон создал иной тип исторического романа — роман философский.

Автора мало волнует достоверность передачи исторических событий или воссоздания образа исторического героя. Перед нами роман идей. Это роман не о человеке, носителе определенных идей, но это роман идей, носителем которых становится один человек. Только поняв это, начинаешь различать в образе Ната Тернера второй план — экзистенциалистский и различать за героем его создателя, Стайрона, примеряющего на подходящий исторический объект увлекательную его систему философских взглядов.

Критиков романа недаром мистифицировал прекрасный поэтический образ, неоднократно возникающий на страницах романа, сон и видение Ната, — белоснежный храм, без окон, без дверей, на высоком песчаном утесе, окутанный молчанием, за которым — океан, неисполнившаяся мечта героя, сопровождавшая всю его жизнь. Нат в своем видении стремится в челноке по реке к храму и далее — к океану, никогда не достигая его.

Исследователь интеллектуальных импульсов, интеллектуально-го климата американского романа 50—60-х годов Джерри Брайант, рассматривая американский роман в терминах, близких к экзистенциализму, приходит к выводу, что человеком в американском романе правит жажда абсолюта, который человеку недоступен, что вызывает внутренний конфликт в повествовании, но из него же рождается жизнеутверждающая идея, что высшее удовлетворение

для личности состоит в стремлении к воплощению абсолюта хотя бы в границах возможного. Океан и белоснежный храм видения Ната и становятся в романе таким неосуществимым идеалом, символами свободы и красоты, к которому Нат стремится всю свою жизнь, и стремление это не покидает его даже перед казнью. Правильность подобного толкования этих символов подтверждает и еще один сходный с ними вспомогательный образ — образ прекрасной широкой реки, к которой так стремится в своих мечтах убежавший от хозяина негр Харк, потому что за ней — свобода. Но люди, встреченные им на берегу, связывают его и отводят к хозяину. Негр ошибся, это оказалась не та река. Попытка Харка убежать обречена в романе значение экзистенциалистского символа — вместо того чтобы бежать на Север, в свободные штаты, он кружит на расстоянии 40 миль от дома. Человек не может обрести истинную свободу в мире, он не ориентируется в нем. Тщетны его потуги. Иллюзорна свобода, о которой мечтает Нат Тернер и которая доступна ему только в снах; лжива свобода, обретенная Харком. Человек обречен, но, чтобы остаться человеком, он должен стремиться к абсолюту, но прежде ощутить себя в ситуации выбора и этот выбор совершить.

Понятия «нравственный выбор», «духовное побуждение» возникают, словно экзистенциалистский пароль, уже в первой же сцене романа. Важно отметить в философской системе романа то значение, которое придает этим качествам, проявившимся у Ната Тернера, его адвокат Грей, разъясняющий Нату, что именно за свой нравственный выбор Нат и будет казнен — ведь он не телега фермера, а «одушевленная движимость», т. е. проявление этих качеств возводит его в ранг человека, дает ему душу, да и собственные размышления Ната о смысле и цели жизни протекают в рамках тех же экзистенциалистских понятий «акт воли», «выбор», «существование» и приводит героя к осознанию необходимости совершения нравственного выбора для реализации своей человеческой сущности: «Итак, даже если бы кто-нибудь, чтобы избавиться от человеческих горестей, захотел бы стать мухой, он бы только очутился в более страшном аду, чем он мог бы вообразить себе — существование, лишенное волеизъявления, выбора...» Кстати, мухи — образ в данном контексте тоже не индифферентный, но экзистенциалистский, напоминающий нам об одноименной пьесе Сартра.

Итак, герой Стайрона ощущает себя в ситуации выбора и делает свой нравственный выбор — он выбирает бунт, тоже одно из основных понятий экзистенциалистской философии, хотя многое отделяет героя Стайрона от «Бунтующего человека» Камю. Образ бунтаря Ната Тернера прекрасно совпал с намерением Стайрона передать ситуацию выбора и моральную ответственность за него, ответственность за нарушение человеком человеческих законов.

Бунт Ната Тернера сродни бунту американского экзистенциалистского героя, описанному Ихабом Хассаном: «...герой... при столкновении с разрушительными силами замыкается в себе и становится бунтовщиком или жертвой общественных сил. Его невинность проявляется в решительном отказе признать власть реальности, и как герой он рождается в критический момент столкновения с опытом». Олдермен, автор интересного исследования американского романа 60-х годов, считает, что Стайрон в свои романы, написанные в 60-е годы, перенес мироощущение и интеллектуальный климат предыдущего десятилетия, имея в виду увлечение писателя экзистенциализмом.

Один из основных постулатов экзистенциализма — существование предшествует сущности. К своей сущности Нат мучительно поднимается, проходя все стадии экзистенциалистского существования. Критиков романа, в частности Аллена Холдера, удивляет

специфика восприятия мира героем, его болезненная склонность к преувеличению физических недостатков людей, фиксирование внимания на уродстве, антиэстетичном, описывая которое, он смакует все натуралистические детали, способные вызвать отвращение. И действительно, тошнота — почти постоянное состояние героя в его отношениях с миром, как миром черных, так и миром белых. Объяснить ее реалистически, исходя из сюжетно-событийной канвы романа, мотивировать ее логикой развития образа героя невозможно — требуется иной код, иная система декодирования, которую нам предлагает опять же экзистенциализм и его богатая литература — достаточно вспомнить хотя бы роман Сартра «Тошнота».

Как и герой Сартра, Нат Тернер тоже открывает чуждый ему мир; как и экзистенциалистские герои, он отстранен, чужд всем, неспособен на нормальные человеческие чувства: привязанность, любовь. Эмоциональная палитра его взаимоотношений с миром совсем другая: отчаяние, ненависть, тоска, страх, всепроникающее одиночество: «Мое отчаяние и одиночество росли, и существование, которое я вел, казалось кошмарным сном, от которого я бешено старался пробудиться». Экзистенциализм рассматривает жизнь как страшный сон, приход к осознанию существования лежит через тошноту. Но у Стайрона это экзистенциалистское прозрение героя-негра, его обретение ощущения бытия носит специфический расовый характер: «В это время я стал все более углубляться в себя, в яркий, кишачий образами мир созерцания; чувство тупого отвращения, граничащее с почти непереносимой ненавистью к белым... стало доминировать над моим внутренним миром...»

Философская заданность образа героя сказывается и на индивидуализации его характера, в котором резонерство все же преобладает над естественными человеческими чертами. Это проявляется хотя бы в пейзажах, увиденных глазами героя. Пейзаж в восприятии Ната Тернера по большей части дан как бы издали; в нем отсутствуют крупные планы, он представляет собой общий вид, общий фон, становясь миром вообще, землей вообще, на которой разыгрывается извечная человеческая трагедия. А вот следующая пейзажная зарисовка помимо воли отсылает нас к очередному шедевру экзистенциалистской литературы — пьесе С. Беккета «В ожидании Годо»: «...два оборванных силуэта на фоне сосновых лесов и зимнего неба, бредущих в никуда по крайним пределам земли — черные безликие парадигмы абсурдной и не имеющей начала тщеты»¹.

В своей разгромной критике романа Стайрона Аллен Холдер совершенно справедливо замечает: «Стайрон подхватил часто упоминающееся в наши дни объяснение волнений черных, которое мы переживаем, значительно усилил его и перенес в прошлое»². В этом признании скрыта и жанровая характеристика романа, и его оправдание. Роман философский, параболический, каким являются «Признания Ната Тернера», в большей степени связан с современностью, чем с историей, по сравнению с романом объективно-эпического типа, более подчинен осмыслению современности, позволяя себе во исполнение этой задачи более вольное обращение с историческими фактами. Эта черта романа Стайрона как романа философского нашла точное выражение в авторском предисловии к роману, в котором он определяет свое произведение как «размышление над историей».

¹ *Styron W. Op. cit.*

² *Holder A. Op. cit.*